

О.Р. Темиришина

**Сквозь литературу:
Сборник статей к 80-летию Леонида Генриховича Фризмана.
Киев: Издательский дом Дмитрия Бугаго, 2015. 464 с.**

Сборник статей «Сквозь литературу» посвящен 80-летию Леонида Генриховича Фризмана. Выдающийся ученый, «первый пушкинист Украины», известный историк литературы – именно так характеризуется Леонид Генрихович в статье Е.А. Андрущенко, открывающей сборник. Однако наилучшее представление о сфере деятельности юбиляра дает широкий тематический охват книги, который отражает в первую очередь область интересов самого адресанта сборника: здесь затронуты практически все исторические эпохи развития словесности, от древней литературы до творчества современных поэтов (в этом смысле название «Сквозь литературу» представляется вполне оправданным). Тем не менее сборник интересен не столько своим тематическим разнообразием, сколько тем, что он, представляя разные подходы к художественному тексту, отражает актуальную сферу интересов современной филологической науки.

Пожалуй, самой важной областью филологии является исследование литературных жанров, их генезиса и трансформаций. Анализ жанра как становящегося динамического целого представлен в статье О.Л. Калашниковой «Беллетризация документа или документализация романа: история Ваньки-Каина». Исследовательница рассматривает роман о Ваньке Каине как пограничный жанровый феномен, находящийся между документальным и художественным полюсами. Выявляя принципы смысловой интерполяции этих жанровых кодов, О.Л. Калашникова показывает, как они формируют облик произведения. Так, с одной стороны, установка на документ обуславливает специфику композиции и семантики романа (включение «документальных» фрагментов, нумерация «дел»), с другой стороны, в тексте отчетливо просматривается собственно «романное» начало (игра с повествовательными точками зрения). Такое смешение знаменует появление «оказионального» жанра криминальной биографии, и связано оно, по заявлению автора, со стихийным ростом историзма в литературе XVIII в.

В работе О.Б. Кафановой «“Дубровский” А.С. Пушкина: у истоков русского усадебного романа» избран иной ракурс жанрового анализа, интертекстуальный. В статье автор выявляет ряд соположений-сходств между романом Пушкина «Дубровский» и романом Жорж Санд «Валентина». Отсутствие явных предпосылок для подобного сближения (которое, кстати, было намечено Б.В. Томашевским) заставляет искать «точки контакта» в жанрово-семантической сфере. О.Б. Кафанова,

обращаясь к жанровому коду усадебного романа, определяет его важнейшие структурные черты (связанные с усадебным хронотопом и героями) и выстраивает метасюжет, который реализуется в соответствующих текстах Пушкина и Жорж Санд.

При этом автор обращает внимание на то, что данная жанрово-типологическая структура, соотношенная со спецификой композиции и сюжетики, предполагает разное ценностное наполнение. Это позволяет установить как типологическое «средство» на жанровом уровне, так и ряд отличий, связанных с особенностями индивидуальных поэтик. Анализ текстовых переключек в жанровом аспекте представляется нам теоретически продуктивным, так как жанр может служить критерием верификации цитатных аналогий, ибо он является той типологической данностью, которая может подтвердить (либо опровергнуть) факт генетического сходства.

Выявлению типологических и генетических связей, подтвержденных жанровым анализом, посвящена работа Е.А. Тахо-Годи и Ю.Ю. Анохина «На пиру одиноких (Боратынский – Вяземский – Мандельштам – Кенжеев)». Авторы работы рассматривают трансформацию традиции «застольной», пиршественной песни в постромантический период и выявляют ряд структурных черт, которые объединяют тексты (где эта традиция прямо или косвенно представлена) в некое окказиональное жанровое единство. В контексте этого единства неожиданно по-новому трактуется стихотворение Мандельштама «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...», которое, включаясь в традицию «одинокого пира», репрезентирует тему верности «общему поэтическому прошлому» (с. 179).

В статье И.В. Черного «Художественное своеобразие романа В.И. Крыжановской-Рочестер “Царица Хатасу”» в жанровом аспекте анализируется «египетский роман» полузабытой писательницы. И.В. Черный, определяя положение романа на жанровой шкале, указывает на его возможные источники и прототипы, анализирует фактическую основу повествования и приходит к выводу о том, что произведение зиждется на смешении жанровых установок приключенческого, любовного, исторического и оккультного романов.

Препятствием для адекватного литературоведческого анализа романов писательницы является отсутствие их нормальных изданий. И здесь нам хотелось бы указать на неточность, допущенную в статье в связи с описанием издания полного собрания сочинений писательницы. Автор указывает на то, что этим благородным делом занимается *Google Play*, между тем *Google Play* – это всего лишь платформа для размещения медийного контента, фактическим же издательством является «Zuma Inc.».

В работе А.В. Кулагина («Цикл А. Кушнера “Стансы”»: жанр, композиция, контекст») в жанрово-семантическом аспекте рассматриваются особенности соответствующего цикла Кушнера. Определив этот цикл как сознательно выстроенное единство, исследователь, во-первых, намечает его поэтическую генеалогию, связанную с определенными формальными метами самого жанра; во-вторых, выявляет внутренний сюжет этого цикла, соотношенный с ценностными установками самого поэта.

Не менее интересны статьи, посвященные вопросам поэтической семантики. Исследование художественных произведений в семантическом аспекте является определенным «трендом» литературоведения, что согласуется с антропоцентрической перспективой современного гуманитарного знания. Ср., например, такие активно развивающиеся парадигмы, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика и проч. В этом ряду поэтическая семантика оказывается одним из вариантов

функционального подхода, который подчеркивает первичность понятия языковой функции по отношению к структуре. В этом смысле художественные произведения оказываются поистине благодатным материалом, так как дают возможность увидеть язык «в действии».

Поэтическая функция языка в первую очередь связывается с системными отношениями в лексике, поэтому практически все работы, где поднимаются вопросы поэтического значения, базируются на анализе образности и мотивики в лексико-семантическом аспекте. Так, в статье С.И. Кормилова «Тело и душа, жизнь и смерть, земля и небо в поэзии Лермонтова» представлен анализ лексики поэзии Лермонтова в ее парадигматическом аспекте.

Основой для анализа становятся бинарные оппозиции, вынесенные в заглавие статьи. Через эти фундаментальные противопоставления исследователь выходит к глубинным основаниям картины мира Лермонтова, которые концептуализируются в лексике через семантическую сочетаемость слов, их смысловую валентность. Исследователь показывает, как каждая из оппозиций притягивает к себе ряд образов и мотивов, прирастает смыслами, в результате чего создаются сложные семантические парадигмы.

Основная особенность данных парадигм – ценностная амбивалентность, внутренняя противоречивость (что согласуется, как доказывает С.И. Кормилов, с особенностями романтического сознания, трагического *par excellence*). Так, образы тела и души интерпретируются Лермонтовым отнюдь не в традиционном христианском контексте. Лермонтовские телесные образы, замечает исследователь, исключительно физиологичны; более того, телесно выраженная индивидуальность парадоксально становится залогом вечной жизни, что, видимо, объясняется изначально амбивалентной установкой Лермонтова по отношению к вечности. Лермонтов, как справедливо пишет ученый, мечтает «о вечном, пусть неполном земном бессмертии» (с. 160). По сути такая греза – это примирение изначально конфликтно-амбивалентной пары «жизнь – смерть», ее нейтрализация. И этот «конфликт-примирение» обуславливает совершенно неожиданный бунтарский подтекст в гармоничном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...».

Маленькое уточнение: на с. 148 говорится про запись Печорина в журнал «после бессонной ночи перед дуэлью». Он сделал эту запись не перед дуэлью и не сразу после нее, а вспоминая о ней минимум полтора месяца спустя, в крепости.

Статья И.И. Степанченко «Парадигматический анализ лексики поэтического произведения как средство интерпретации его содержания» формализует в лингвистическом аспекте некоторые процедуры толкования поэтического текста. Парадигматический подход, заявленный в заглавии, дает возможность отразить некоторые приемы анализа содержания текста – задача весьма актуальная, так как этот анализ всегда расплывчат, он не предполагает верификаций, делается, как правило, «на глаз». Касаясь сложнейшей проблемы восприятия текста реципиентом, автор моделирует этот процесс, показывая векторы «переструктурирования» текста в сознании реципиента.

Особую ценность придает работе выявление типологии текстов с установлением разных типов парадигматических связей. Используя лингвистическую аналогию, автор полагает, что парадигмы в текстах проективного типа образуются по комплиментарно-сочинительному принципу, в то время как парадигмы в текстах концептуального типа связаны с отношениями подчинения. Это позволяет поставить анализ поэтического текста на твердую основу лингвистической методоло-

гии и подтвердить некоторые догадки, связанные с эстетической сферой, конкретными доказательствами.

В статье А.Т. Гулака «Чудесная поэтическая удаль Александра Твардовского (О синтаксической организации поэмы “Василий Теркин”» семантика текста рассматривается через призму его синтаксической организации. Так, эффект «создания динамического повествования» (с. 341) связывается автором с набором интонационно-синтаксических форм, выражающих поэтическую экспрессию. При этом поэтический синтаксис привязывается к такой повествовательной категории, как «точка зрения». Эта исследовательская перспектива позволяет перейти от собственно синтаксического уровня к субъектной организации текста и исследовать функциональный аспект поэтической структуры.

Вопросы структуры поэтического текста поднимаются и в работе В.А. Кошелева «Пушкин: поэтика “пропущенной строфы”», где старая тема о пропусках в «Евгении Онегине» рассматривается в новом ракурсе. Автор полагает, что у пропущенных строк есть три функции: композиционная (пропущенные строфы членят текст на части), семантико-прагматическая (инициируют игру с читателем) и нарративная (маркируют логическое развитие биографии главного героя).

Анализ еще одного известного «минус-приема» находим в работе А.С. Силаева «“Робость художника” или художническая смелость мастера? (Об одной из граней пушкинской тематики в творческом наследии М.А. Булгакова)». Отсутствие главного героя, Пушкина, в известной пьесе Булгакова «Александр Пушкин. Последние дни» А.С. Силаев связывает с автобиографической основой драмы, полагая, что этот прием позволил Булгакову смоделировать в пьесе символический образ судьбы поэта.

Подход к тексту с позиций семантического анализа представлен и в работе «Мифопоэтическая семантика комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (А.Б. Перзек, М.Ю. Перзек). Авторы, постулируя мысль о необходимости новых прочтений комедии, утверждают, что ее сюжет может трактоваться как «сказочный». В результате чего нарратив произведения начинает двоиться: пространственные перемещения Чацкого соотносятся с сюжетом сказочного путешествия, а другие герои комедии оказываются своеобразными функциональными вариантами персонажей волшебной сказки (Софья – царевна, Молчалин – колдун и т. д.).

Эта оригинальная интерпретация все же вызывает ряд вопросов. Любой сюжет, как в свое время показал Ю.М. Лотман, – это всегда переход героя через определенную границу, поэтому связывать такого рода переходы только лишь со сказочным хронотопом не всегда правомерно. Что касается героев, которым приписаны «сказочные» функции, то их характерологические черты и поведение могут найти более простое объяснение, для которого не требуется привлечения сказочных архетипов.

Вопросам поэтической семантики Ахматовой посвящены в сборнике две статьи: «Смех, гротеск и трагическая буффонада в поэтике Анны Ахматовой» (Роман Мных) и «История как театр в художественном мире Анны Ахматовой» (Т.А. Пахарева). Роман Мных, подробно рассматривая теорию смеха, определяет типологию мотивов, связанную со смеховым началом у Ахматовой, а также исследует их «семантическую ауру». Т.А. Пахарева анализирует метафору «история как театр» у Ахматовой, показывает ее образные воплощения и доказывает, что эта метафора является важным компонентом ахматовского мифа.

Ряд статей сборника посвящен проблеме функционирования «чужого слова». Все эти работы можно разделить на три типа: работы, в которых затрагивается проблема интертекста как такового (исследования Н.Л. Васильева, Бартоша Осевича), статьи, где рассматривается более общая проблематика, связанная с вопросами литературной традиции и влияния (работы С.А. Кибальника, Т.М. Марченко, Эмилии Обуховой, В.А. Гусева), и исследования, где поднимаются вопросы рецепции текста в той или иной традиции (Ю.В. Манна, М. Кшондзер, Л. Геллера и др.). В последнем случае текст понимается как некий «длящийся» феномен, который отражается в зеркалах других текстов и культур, поэтому исследуется не столько само художественное произведение, сколько тот метатекст, который функционирует «вокруг» него.

Работа Н.Л. Васильева «“Так он писал темно и вяло...” (К вопросу о литературных источниках пушкинского комментария к элегии Ленского)» посвящена проблеме функционирования конкретных цитат в тексте-реципиенте. Обращает на себя внимание сама методика выявления источника: исследователь, комплексно подойдя к этой проблеме, делает средством верификации поэтических переключек биографические схождения поэтов и некоторые типологические жанровые параллели.

Бартош Осевич в статье «“Письмо в семнадцатый век” Александра Галича и “Анкор, еще раз” Яцека Качмарского как современные экфразисы», анализируя соответствующие тексты в поликодовом аспекте (чему способствует сама природа авторской песни), выявляет ряд переключек между поэтами.

С.А. Кибальник в статье «Пушкинский смех» с позиции философско-эстетического подхода рассматривает типы комического и способы его воплощения в творчестве Пушкина. Замечая, что комическое у него не привязано к жанровому коду, исследователь, пытаясь найти истоки такого «внежанрового» понимания категории комического, вполне закономерно обнаруживает их в литературе романтизма. Анализируя комическое как конструктивный элемент философско-эстетической системы Пушкина, С.А. Кибальник выявляет его связь с иными категориями авторской эстетики, этики и онтологии («естественное», «идеальное», «истинное», «доброе» и проч.). Такое «системное» понимание комического связывается исследователем с пушкинским универсализмом и совершенно справедливо объясняет чуждость зрелого Пушкина сатирическим жанрам, которые являются слишком односторонними, демонстрируют отрицающий и унижающий смех.

Вопрос о традициях в русской романтической литературе поднимается и в статье Т.М. Марченко «Казацкие летописи в культурной жизни России XIX века: к вопросу об онтологическом статусе». Исследовательница доказывает, что летопись оказывается своеобразной семиотической базой, на основе которой романтики творят свой вторичный условный мир. Кроме того, автор работы показывает роль казацких летописей в общерусском культурном контексте, определяет их влияние на мировоззрение русских поэтов-романтиков и вычленяет основные этапы рецепции казацких летописей в России.

Проблема традиции поставлена и в работе Эмилии Обуховой «“Шел я по улице незнакомой...” О стихотворении Николая Гумилева “Заблудившийся трамвай”». Автор, последовательно анализируя текст Гумилева, выявляет весь комплекс интертекстуальных мотивов, связанных с реализацией основных тем стихотворения. В качестве «претекстов» выступают в первую очередь произведения Пушкина. И здесь необходимо отметить, что многие интертекстуальные параллели, обнару-

женные исследовательницей (в частности, касающиеся структуры пространства у Пушкина и Гумилева), литературоведению уже давно известны.

В рецептивном аспекте проблема литературной традиции исследуется в работе В.А. Гусева «Пушкинский и гоголевский миф в духовном пространстве русской культуры». Исследователь рассматривает фигуры Пушкина и Гоголя как некие мифологемы и намечает основные векторы развертывания этих мифообразов в русской культуре. Этот интересный подход позволяет, с одной стороны, увязать личность писателя, его биографический путь и творчество в некое духовно-целостное единство, а с другой стороны, показать через зеркало рецепции, как в русском культурном пространстве формируются представления о классиках. При этом в последнем случае речь идет не столько о Пушкине и Гоголе, сколько об особенностях самой «воспринимающей» культуры.

Вопросы прагматики текста в его тесной связи с особенностями культуры-реципиента рассматриваются в статье Ю.В. Манна «Из жизни одного жанра (повесть Н.В. Гоголя “Рим” глазами европейцев)». Здесь в центре внимания находится проблема «начальной рецепции» гоголевской повести в западноевропейской культуре. Однако автора интересует не только прагматика текста, но и его жанрово-семантические особенности, которые, возможно, мотивируют эту прагматику: «История рецепции “Рима”, – замечает исследователь, – наглядное выражение сложности поэтической структуры...» (с. 190).

В работе М. Кшондзер проблема восприятия текстов Гоголя получает свое развитие, однако на этот раз гоголевское творчество исследуется в символистском контексте. М. Кшондзер указывает на сложность процесса восприятия творчества Гоголя русскими символистами, в котором переплетаются как основные символистские установки, так и личная природа таланта. Однако в любом случае тексты Гоголя для символистов оказываются своеобразным зеркалом, которое отражает их индивидуальную манеру и мотивику. Ярким примером такого «вчитывания» в текст «своих» смыслов оказывается трактат Белого «Мастерство Гоголя». М. Кшондзер показывает, как сквозь антропософскую призму Белый трактует Гоголя, семантически расширяя его образы и темы.

Интересным представляется анализ концепции творчества, предпринятый в работе М.В. Строганова («“Моё праздное время”, или Творчество как неработа»). Материалом для анализа стала литература рубежа XVIII–XIX вв. Творчество как концепт рассматривается здесь с позиций семантического анализа, который предполагает определение смысловой дистрибуции исходного понятия. Автор работы выявляет ряд соотношенных с творчеством категорий (праздность, досуг и проч.) и показывает их смысловое движение и развитие.

Вопрос о рецепции поэтического текста подспудно поднимается в статье И.Я. Лосиевского «Защита поэта. Вадим Шершеневич». Статья представляет собой отклик на небольшую рецензию К. Кобрин, где Шершеневич был назван «бездарной обезьяной русской поэзии». Автор пытается реабилитировать поэта, показывая, что «изумительные по идиотизму» строчки часто оказываются решениями задач поэтической формы, связанных с авангардистскими установками поэта. Однако только «освобожденной» формой, полагает И.Я. Лосиевский, Шершеневич не ограничивается, и в доказательство этой мысли исследователь приводит стихи, действительно пронизанные лирической стихией.

Фактически статья подтверждает тезис об «историческом» прочтении литературы и недопустимости проекции на нее вкусовых ощущений, базирующихся на

эстетике современной критике эпохи. Кроме того, в работе подспудно поднимается вопрос о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в поэзии. Думается, что здесь есть только один критерий – продуктивность той или иной поэтической модели, и в том плане Шершеневич может быть полностью оправдан: многие поэтические эксперименты нашего времени генетически соотнесены с образным строем лирики Шершеневича.

Проблема, связанная с прочтением произведения, встает и в работе С.Д. Абрамовича («Сотериологическая концепция книги “Екклезиаста”»), где предметом философско-культурологической дискуссии становится вопрос о времени в древнем тексте.

Вопросы восприятия литературного текста в связи с его культурологическим статусом косвенно затрагиваются в исследовании Л. Геллера «О теориях массовой литературы». Автор анализирует терминологические ряды, связанные с номинацией литературы этого рода, определяет ее базовые признаки и выстраивает ее модель. Широкий охват концепций с примерами из самых разных областей дает возможность ученому показать саму динамику изменения взгляда на феномен массовой литературы, выявить основные принципы ее создания и определить способы функционирования в контексте культуры.

Ряд работ сборника посвящен судьбам забытых и полузабытых писателей и поэтов. Рассматривается и часто реконструируется их творческая биография, обозначаются основные вехи жизненного пути, анализируются некоторые ключевые тексты. Так, в статье К.В. Бондаря («Хрущов и другие») описывается жизненный и творческий путь И.П. Хрущова (полузабытого прозаика и общественного деятеля); в работе Р.Г. Назарьяна («“Да будет легка ей окраинная земля...”») рассматривается литературная и педагогическая деятельность Л.Х. Симоновой-Хохряковой; в исследовании Е.С. Анненковой («“Почувствовать свое предназначенье...”»: о мотивах творческого замысла и написания романа Г. Кузнецовой “Пролог”») анализируется соответствующий роман Г. Кузнецовой.

И, наконец, особняком стоят исследования, связанные, скорее, с историко-культурной, нежели собственно литературоведческой тематикой. М. Альтшуллер в своей статье «Два гудка (Максим Горький и Борис Корнилов)» рассматривает маленький эпизод советского прошлого в контексте своих собственных ассоциаций. В.Я. Звизняцкий («Молодая Россия и древняя Украина от Полтавы до Рима») не без политических коннотаций выявляет образы-мифы России и Украины в «Полтаве» Пушкина и «Риме» Гоголя, сводя их противопоставление к антитезе «молодой – древний», данной в заголовке статьи. Т.С. Шевчук («Легенды Змеиного острова») анализирует в перспективе заявленной темы разного рода историко-этнографические источники, касающиеся истории Змеиного острова.

Таким образом, сборник отличается богатым содержанием, широким тематическим охватом и разнообразием представленных концепций. Он может быть полезен широкому кругу читателей-филологов, интересующихся вопросами истории русской и мировой литературы.

Сведения об авторе:

Олеся Равильевна Темиршина,
докт. филол. наук,
профессор

кафедра истории журналистики и литературы
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

Olesya R. Temirshina,
Doctor of Philology
Professor
Department of History of Journalism and Literature
A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
olesja@temirshina.ru